

Типично женский Колдовской Мир с очень знакомыми житейскими реалиями: диалогия Киры Измайловой «Случай из практики»

Темные, слегка раскосые глаза глядели на него с такой пронизательностью, что Саймону стало не по себе.

А. Нортон. «Ведьмы из Эсткарпа», перевод Ю. Соколова

Ил. 1. Обложка книги К. Измайловой «Городская магия» (2008). Это не боевик, не детектив, не женский роман и не роман воспитания, это «колдовская быль», повествующая о учебе и любви начинающей «магессы», вроде бы написанная очень легко, «лакировочно», однако «двойное зеркало» автора достаточно глубоко прозревает реальность, поскольку за «привычно-научным» бытом российского «среднего класса» сумело отразить «страсти роковые», как бы и не опираясь на классиков жанра – Стругацких и Шекли, Ханлайна и Пратчетта... «Современная сказка», воистину, – продолжение интонаций этой повести и довольно-таки ярких («житейски узнаваемых») образов ее героев стала диалогия «Случай из практики».

Этот фэнтезийный опус притворяется «типовым», то есть заведомо вторичным, – по мере мимикрических возможностей, стилизуемых автором. Надо думать, из любви к жанрово-игровой стилизации, ну и, может быть, соображений по стимулированию спроса у читающей публики, в основном дамской, сиречь обожающей оригинальность на уровне лозунга-ценника-ярлычка, – чисто принципиально, но отнюдь не на самом деле! Им бы, интеллектуалкам, чё-нить в духе модернизированной Нортон, только любовь чтобы не платоническая, а с поцелуями и объятиями, даже с детьми, которые из-за этого получают... И чтобы хотелось еще и еще читать об удивительных похождениях героини, и чтобы эскейп (уход от реальной жизни) был красивый, но без явного вранья и глупостей.

Женско-магический «службистский» детектив

Ил. 2. Акварель К. Измайловой, авторская иллюстрация к роману «Пятый постулат». Рыжая красавица – это Маша, швея-мотористка из параллельного мира. Блондин с длинными волосами – потомственный аристократ, интриган и маг Весьямиэль.

чиновницами, но и наемниками-бойцами в спецподразделениях служат!

Политкорректного феминизма, однако, у Киры Измайловой нет, героини ее дилогии обитают в абсолютистском, отчасти еще средневековом обществе, но почти у каждой есть выбор: дар-талант, добытый опытом-трудом, собственным творчеством – или прозябание в удачном (якобы) замужестве, а то и «на содержании», а то и в рабстве. Рабыня, предавшая госпожу, может выбраться из борделя, куда ее продали, может даже сделать карьеру актрисы-примы, за которой ухаживает принц крови, чтобы внезапно умереть в

Настоящий роман-эпопея, – «магико-детективный» цикл, который выстроен как бы в форме отчета в стиле потока сознания его героини, Флоссии Нарен, личности весьма и весьма сложной – на первый взгляд. Ее служба-работа – расследование преступлений в сфере магии, ведение следствия по делам особой важности. «Независимый судебный маг» – это и большая ответственность, и высокие гонорары (позволяющие иметь *рабов* и свой дом с конюшней), чтобы жить в относительном комфорте, то есть на уровне богатой купчихи, Фелиции Нойрен, которую коронная магесса, доверенное лицо его величества, время от времени изображает. И рядовую судебную чиновницу Флосси Никс изображает, когда надо, – из-за этого также возникает своего рода переключки с американским фэнтези, где дамы не то что

Ил. 3. Авторская иллюстрация К. Измайловой к роману «Случай из практики».

процессе «аристократической» оргии, – а не лезь в паутину государственных интриг, тварь продажная! Маги-начальники монополизируют технологии (боевые, медицинские и прочие), чтобы держать оные под контролем – то есть в начальственно-корпоративной собственности... Знакомая картина: «частный» человек в любом случае оказывается в одиночестве перед лицом омерзительной мощи «внешних обстоятельств», за которыми пребывают власть имущие, явные и тайные хозяева жизни. Героиня – в уникальном положении, она по роду своей наследственной службы пребывает во властной элите, ее специальность более чем востребована, но социальная сторона «независимости» – все-навсего относительная свобода от чересчур навязчивого контроля Коллегии магов...

История одной из разыскиваемых Флоссией – Диты Ротт, вышивальщицы-художницы, сбежавшей от мужа, который якобы с нее пылинки сдувал, а на деле безбожно эксплуатировал, иллюстрирует простую истину, – далеко не каждый может быть кузнецом собственного счастья, однако иногда бегство от «обеспеченной» жизни позволяет человеку стать самим собой и опереться на имеющийся у него талант – если таковой наличествует. Судебный маг оставляет «упорхнувшую пташку» на свободе, не возвращает хозяину-мужу оттого, что творческий дар этой женщины и его раскрытие превыше семейных уз и долга материнства (тем более, что детей Диты Ротт воспитывают без нее, сделали чужими изначально). Другая история – с близнецами, братом и сестрой, несчастными сиротами при живом отце (капитане-пирате из «скандинавизированного» Дома Аолле), воспитываемыми бабушкой-аристократкой, снобизм которой явно выходит за допустимые нормы, также показательна – и перекликается с «мифоинтеллектуальными» сказками, – от «Гадкого утенка» Г.Х. Андерсена до «Мэри Поппинс» П. Трэверс, от «Маугли» и «Паршивой овцы» Р. Киплинга до «Горного мастера» и «Каменного цветка» П. Бажова... Отрицание «незыблемой» с виду данности у творческих людей – едва ли не банальность, хотя с революционаризмом тут общего мало; нужно *очень* большое и отвратное давление, чтобы сделать из одаренного ребенка «ниспровергателя устоев».

«В каждом из нас убит Моцарт», – написал Экзюпери, – отнюдь не революционер, – аристократ-католик. Непримируемая борьба с «даром-предназначением», одаренностью-талантом у ребенка, то есть взрослого *общественного человека* – крайне опасное занятие, особенно если оно имеет репрессивно-воспитательный (заведомо сословный, социально-культурный) характер. Именно в процессе нормативно-педагогического самоутверждения крайне мучительно, антиэстетично (и не только для

себя, любимых) погибали очередные «антипрогрессивные контрреволюционные силы» и открывались новые горизонты развития человечества. Хотела того Кира Измайлова или нет, в ее эпопее отразились и всемирная, и отечественная гражданская война из прошлого, настоящего и будущего. Война без конца и границ, «средство против морщин»! Кто с кем и за что именно бьется в этом детективе, «фэнтезийно-женском»? Наличествуют в нем высокая вера и неизменный цинизм, духовная стойкость и физическая слабость, родовая честь и дешевая корысть... Представлено и стремление к бесконтрольной, едва ли не «божественной» власти, чтобы играть людьми-марионетками, по своей воле вершить судьбы миллионов. Причем так, чтобы даже у обожателей силы, прирожденных льстецов язык не повернулся сказать: «для их же блага»! Благо и зло в «магических» категориях – всего-навсего ключи к развитию отдельного человека и всего человечества. Не всегда, кстати, синхронному, – в иную эпоху людей высокого уровня развития было очень мало, и это считалось благом, – простецам, нищим духом, легче в рай попасть... Однако вопрос ведь не в посмертном «заповеднике для праведников», чтобы те парадно торжествовали, бряцая на арфах, или наслаждались *вечным* (безысходным) досугом в приятной компании гурий, а в том, что на деле требуется от человека, имеющего *дар* («магию» или «ум») – и развивающего его по мере своих возможностей. Работа-служба для героини – всего лишь оболочка, форма для реализации ее «жизненной позиции», отнюдь не очевидной.

Социальные конфликты внутри «судебной магии»:

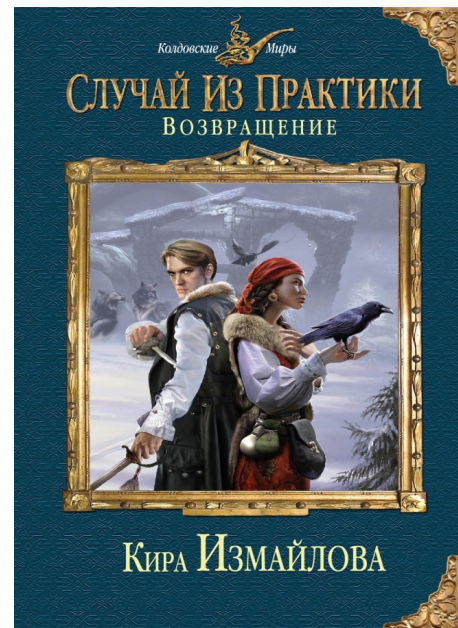
право-бесправие, власть-насилие, истина-ложь

В мире Флоссии Нарен и право, и мораль – социальные, классовые, не «понарошку», все как в реальности. Даже там, где речь идет о жизни и смерти – например, инфекции-эпидемии, или «магических» отмычках для сейфов, или секретных пособиях по боевой магии, или собачьих боях и питомниках для сторожевых псов. Средневековые традиции, основанные на законах писаных и неписаных, вполне античеловечны, но эпоха их на исходе, хотя *жанр* как бы вопиет, что прямое социальное угнетение и хищнический грабеж едва ли не вечны. Дело тут не в экономических выкладках, основанных на фэнтезийно-литературных бытовых реалиях, тем более не в качественном опережении производственных отношений средствами производства...

Сознательно выстроено это или нет, но основные аргументы скрытых ненавистников прогресса («не надо насилия и крови!», «смирение спасительно» и «добро – в недеянии») оказываются очень выгодны (и на бытовом, и на храмовом уровне) для всяческих банд и политических уголовников, устраивающих человеческие жертвоприношения. Если долго оставлять «все как есть», полагаясь то ли на «природу», то ли на «рынок», то ли на «волю богов», появляются весьма специфические «монстры магической власти», – Наор Первый и Наор Второй, в итоге замыкающие на себя все что возможно, манипулирующие для этого судьбами целых народов и отдельных людей.

К. Измайловой не случайно удалось «втациить» в детективно-магическую литературную игру, в «фэнтезийно-женский» роман коллизии реального бытия. Ее героиня – далеко не ангел, «человек своего времени», которое, правда, опережает лет этак на сто пятьдесят. И по кругозору, и по этике, имеющим «аристократический» характер, только странный получается аристократизм. Пренебрегает Флоссия Нарен некоторыми нормами-условностями, хотя не прочь слегка порисоваться, показать лихость и удачливость [1, с. 264; 2, с. 167]. Плебейский у нее задор-пафос, – имеется гордость соответствием служебным, и к тому же прабабка у нее была ведьмой – интеллектуалы-маги со стихийными «почвенницами»-ведьмами не очень-то ладят.

Принципиальное значение имеет еще и то обстоятельство, что героиня действует вне Коллегии магов, поелику корпоративные учреждения, прямо как в жизни, редко можно использовать во благо, зато властолюбцам, желающим бесконтрольных манипуляций-мучительств, эксклюзивных прав и «лжи во благо» (свое благо), они дают полный простор. Принципиальность Флоссии не мешает ей надувать Коллегию, в которой скрыто правит бал присосавшийся к этому учреждению маг Таваль, без меры честолюбивый враг человечества, – чтобы устроить ему, гаду, смертельную ловушку. Однако, увы, Таваль мнил себя ведущим и незаменимым специалистом там, где на деле

Ил. 4. Обложка романа «Случай из практики. Возвращение» (вторая часть дилогии).

играл вторую скрипку (в оркестре своего невзрачного прислужника, стрелявшего лихо из арбалета и державшего мага-хозяина под контролем)...

Анонимная власть, основанная на гибких структурах подчинения, – мечта деспота, однако чтобы жить столетиями в качестве такого властителя, надо быть маньяком, получающим удовольствие прежде всего от манипулирования людьми. Мелкая душонка, дорвавшаяся до восхитительной возможности господствовать-владеть-вершить анонимно, исподтишка, напоминает клеща, насосавшегося крови. Эта кровь – весьма специфическая информация, опьяняющая «безумием власти» и требующая выхода в заведомо дурацких, бессистемных на первый взгляд выходках. Симптомы этой хвори похожи на игроманию, финал борьбы с маньяком закономерен, – вот только Флоссии пришлось поставить на последний кон борьбы слишком уж много всего. Не чаяла остаться в живых, но северная (провинциальная) маготехника «морских ведьм» для Наора Второго (или Третьего, это как считать) оказалась новостью, полной неожиданностью, так что удалось его, гада, одолеть, уничтожить... Допрыгался, что называется, азартный игрок-экстремал. И то сказать – нести в себе концентрированные конфликты эпохи, провоцируя и регулируя кровавые эксцессы, «раскачивая лодку» культуры-цивилизации для собственного (цинически-дурацкого, мелочно-самолюбивого) удовольствия – это, кажется, «темный идеал» более поздней эпохи. Тут во всей красе раскинулась «креативная личность», даже экскременты свои готовая объявить произведением искусства. А что тут удивительного – если весь мир вертится вокруг твоего суперкреативистского пупа, только так и должно быть!

Анонимная власть – штука довольно-таки странная, «на эксклюзивного любителя», это вам не какой-нибудь Бильдербергский клуб. Орел – решка, выигрыш – проигрыш, плюс вербовка адептов-сторонников, которые представляют собой расходный материал для игр и забав... И вся жизнь – нескончаемая забава-игра, в которой, тем не менее, можно потерять себя – и умереть. В бесконечной игре нельзя даже привязываться к идеологии, дающей хотя бы эфемерное право на власть. Технологии этой анонимной власти – единственная подлинная идеология, которую может исповедовать подобный индивидуум, неизбежно вырождающийся в особь (то ли крысук, то ли паук, то ли глубоководный гигантский кальмар?). Для такого субъекта все женщины – даже сильные ведьмы и магессы – игрушки, а все мужчины – глупцы, слабаки... Есть, правда, еще драконы, но маг-владыка может натравить на них людей, он легко может раздавить любую формализованную оппозицию: магическим технологиям доступны и не такие вершины

«манипулятивности». При этом, однако, ему недоступны мотивации идейных врагов, не являющихся его конкурентами по стремлению к «власти-силе-игре». Индивидуализм Наора – стремление навязать свою волю всему и вся, это процесс затянувшегося развития психической болезни и, соответственно, деградации личности. В отличие от него, Флоссия подчиняется *человеческому* чувству долга, будучи «законопослушным» (в целом) членом общества. Зато чувство долга у Наора назвать человеческим трудно – он обязан пребывать выше всех законов, традиций и норм! Быть с виду обыкновенным слугой, затем торговцем, а на деле – едва ли не всемогущим, каково это? Иметь реальную силу – чтобы воплощать свои мелкие прихоти, уделяя им едва ли не большее внимание, чем борьбе народов и держав... Этот психопат внутри себя властен в жизни и смерти каждого, у него вкусы уголовного, воспитавшего себя для лучшей доли, но не знающего, в чем она, эта лучшая доля – и, главное, зачем? Что может быть лучше того, что уже есть, чем он уже располагает? Нельзя объять необъятное, нельзя *в одиночку* постичь всё в магии бытия, проще вовремя убирать конкурентов...

Ил. 5. Танец на балу. Авторская иллюстрация к первой части диалога.

Претензии к миру-бытию у Наора (скрытое сутяжничество, желание «отсудить» самый сладкий кусок «бытийного» пирога) – стремление вершить все на свете исключительно для своего удовольствия. Зато «независимый судебный маг» решает все *по закону* – в том числе закону нравственному. И получается, что «черствая» индивидуалистка Флоссия – носитель *коллективистской нравственности?*.. Бойся красивых слов и поз, ведет себя как злюка-старуха, но руководствуется соображениями, далекими от своекорыстия. У нее хватает и темперамента, и природной женской (безо всякой магии) привлекательности, жертвами которой стали зрелый боевой маг Борас и юный лейтенант королевской гвардии Лауринь. При этом внешние данные героини очень далеки от идеала эпохи, да и возраст уже не тот, чтобы вздохи при луне классифицировать. Это, конечно, не мешает родить дочку от Лауриня... И вообще, аскетизм – это не для нее: она курит

трубку, ценит хорошую еду, тщательно обдумывает наряд для бала, читает детективы знакомого автора-помещика (книгопечатание процветает) и не чуждается прочих радостей жизни.

«Всё для блага человека!» – возглашает у Горького в притоне-ночлежке шулер Сатин. Какого же именно человека? Если абстрактного, безликого «человека вообще», то священное право Наора («сильной личности»!) вершить судьбы мира; это же и право аристократов-господ калечить души и тела, обольщать и развращать, предавать и убивать, грабить и насильничать... Это право всяческих людоедов «по закону» творить волю свою. На страже *этого* права пребывает государство со всей своей мощью, его поддерживают и другие общественные институты, и «нормы воспитания подрастающего поколения» требуют сегодня «свободы для сильных», но всему свое время, – несправедная мощь, злая сила «хозяев жизни» рано или поздно оборачивается против них. Флоссия Нарен вправе работать Немезидой, у нее есть свои нравственные правила – самый главный *закон*. О людях и драконах судит по степени их одухотворенности, то есть «по-женски», и вообще у нее не столько служба, сколько служение, поэтому заурядным уголовникам, чиновникам-карьеристам и мелким взяточникам ее бояться в общем-то незачем. Чтобы привлечь внимание героини, нужно вляпаться в серьезное дело, которое она обязательно раскроет.

Драконы и люди – кто из них «зверистее», то есть опаснее для окружающих

Есть в дилогии Измайловой одно уязвимое место – стилистически, «чисто по-женски», и этически. Начинается история с того, что героиня со своим будущим возлюбленным и его солдатами (даже не смешно смотреть на несчастного юнца-лейтенантика) расследует гибель молодого дракона и похищенной им принцессы из соседней державы. Весь фокус в том, что рыцарь, убивший чудовище, практически не имел никаких шансов на победу, но дракон-то был молодой, глупый, он хотел покрасоваться перед возлюбленной и даже огнем плевать не стал, в результате чего напоролся на обломок пики и скончался вместе со своим умертвителем. Принцесса (уже беременная, кстати) от горя замерзла у крылато-чешуйчатого трупа возлюбленного. Нечего и говорить, что симпатии героини совсем не на стороне болвана, вызвавшего и убившего дракона... У того лишь дедовские латы и слепая отвага, зато драконы не только оборачиваются людьми, но способны на пожизненную для их избранниц (летающие ящеры живут много тысяч лет) привязанность, они таперича и размножаются главным

образом с помощью человеческих девственниц... Короче говоря, Флоссия устраивает дракону и принцессе своеобразные похороны, обрушив скалу, – из-за этого одного солдата-гвардейца повесят, а она потребует положенную долю сокровищ – пять процентов драконьей казны, и попробуйте только обсчитать, получите кучу проблем с Коллегией магов, которая имеет свой процент отчислений с каждого гонорара!

Очевидная «американщина», ясное дело, но цель благая – предотвращение скандала-конфликта и уход от «магонаучно-вивисекторного» надругательства над телами погибших любовников, потому что итогом этого несчастья станет война, инспирированная Наором Вторым, о котором пока ничего не известно. (Этот психопат испытывает Флоссию на прочность, время от времени подкидывая своеобразные детективные шарады, – как будто ей собственных забот «по служебной текучке» мало!) Драконов приходится выручать, их молодежь довольно-таки уязвима, особенно в человеческом облики... Флоссия не хочет, чтобы вымерли, исчезли красавцы-драконы! Одному из них она отдает в супруги свою рабыню, изуродованную степнячку Аю, – у той много внутреннего «пророческого» огня.

Тут сюжетная рифма с рабынями – цивилизованная красавица Лелья в начале первой книги предает *хозяйку*, не желающую дать ей свободу, а изуродованная «дикарка» Аю, наоборот, выручает Флоссию – и, ясное дело, оказывается хорошего рода. Просто ее, бедняжку, враги-конкуренты продуманно искалечили и продали на чужбину, оттого что умертвить *пророчицу* нельзя, настолько уж грубый поступок наверняка бедой обернется...

Классовая солидарность для «интеллигентки» Флоссии очень важна. Драконы куда воспитаннее и одареннее людей, больше знают и понимают, у них цивилизация древнее и мудрее, они даже стараются не пересекаться с короткоживущими людьми, однако ценят в женщинах – что бы вы думали?! – внутреннее пламя, – вах и вау, м-му и мяу! Драконий артефакт спас Флоссию жизнь, помог уничтожить древний алтарь кровожадного бога, и вообще драконы – замечательные ребята, истинные *братья по классу*, солидарные с нею даже в опаснейшем деле истребления злодея-супермага, – они ведь «были готовы вмешаться» («их попросили»...), но героиня все-таки «обошлась без их помощи» [2, с. 717].

Личное счастье в конце, домашняя суета и поцелуй в диафрагму – по законам жанра без этого нельзя. Доченька, правда, в маму пошла, учится магии с помощью деда-мудреца, – это большая пожарная опасность для дома и соседей, ну да что тут поделаешь? Ребенку

нужен отец, а он – вот, до капитана охранного отделения дослужился, король высоко ценит его мужество, распорядительность и служебное рвение... Позитив в кубе, победа на всех фронтах, но почему-то радости нет. У автора, похоже, тонкий слух; музыка бытия – это не только ритм, но и гармония, однако жажда гармонии вселенской остается неудовлетворенной, потому что, к примеру, мальчик, мечтавший стать мельником, вызвал Слепых Гончих, чтобы отомстить за себя – и за любимую им деревенскую красавицу, соблазненную богачом. Парень все неправильно понимал, это обернулось для него чем-то вроде мучительного самоубийства, – но суть конфликта осталась прежней. Бедный мальчик убил богатого дядьку из королевского казначейства, покарал заодно и себя, а полюбившая богача девушка осталась на мельнице с отцом-вдовцом, – беременная осталась, а стерва-вдова, аристократка ледяная, от смерти постылого ей мужа только выиграла, и сколько подобных событий происходит в *мире людей*?.. Какая-то в державе данной гниль помимо «бытовой» и «уголовной»! Борьба подспудно некая идет, – а чем она закончится, мы знаем.

Справедливость – как ее понимать и осуществлять

Магия – всего лишь «образ» технологии, и общество, разумеется, «бюргеризируется», да? Независимый судебный маг по мере возможности изображает независимость в магии и образе жизни, будучи предельно зависимым от собственных ценностных установок. Автор дилогии писала стихи («старая романтика, черное перо») и новеллы, и маго-мистические (но «попаданческие») «романы воспитания». Симпатии Киры Измайловой на стороне аристократов, потому что она – «аристократ духа», и еще потому, что жить в обществе и быть свободной от него нельзя. В «цикле Танагуры» (создан под псевдонимом Kira Kigoі в соавторстве с Эрл Греем, но продолжен самостоятельно) авторские симпатии отданы «генетическим» аристократам, ориентированным на власть-могущество. Плохо это – или хорошо? Плохо, когда симпатий нет вообще, когда собственную точку зрения заменяет «рынок», однако монархические и аристократические симпатии Бальзака не помешали ему создать «Человеческую комедию» – и кое-что еще. Что человек думает (воображает) о реальности и своем месте в ней – его дело, пока еще он творит *для себя*, а дальше суждения выносят читающая публика, критика и прочие лица, в компетенцию которых входит это нудное занятие – выносить авторитетные суждения... Что они думают о дилогии «Случай из практики», можно узнать

в Интернете, ежели охота. Справедливости-правды оттуда ждать нечего, но можно надеяться на какой-то интерес.

В этой связи можно привести исторический факт из 1917 года, когда *бедные* девушки-телефонистки горячо одобряли, даже защищали *в суде* красавцев-юнкеров, оборонявшихся на телефонной станции, хотя эти юнкера подвергли их опасности и вообще плевать хотели на дурно воспитанных, ужасно одетых особ, чуждых по всем параметрам. Трогательная история, хотя и не женский роман... В свете предстоящего в мировом масштабе (кроме США, пожалуй) упразднения так называемого *среднего класса* очень показательна его высокая (и неразделенная, увы!) любовь к аристократии, Средневековью и бескрайней «фэнтезийщине», практически неизлечимая у известной категории российских авторов. Это не «стокгольмский синдром», это сродни воспоминаниям соблазненной и покинутой («курортный роман» или что-то в этом роде) барышни-провинциалки, мнящей упущенную возможность «высоких чувств» и «счастья на всю жизнь» не вымыслом, а реальностью. В самом деле, если пошленький «адьюльтер» можно *потом* вспоминать как великую любовь, отчего нельзя мечтать о жизни-игре (отнюдь не в Золотомиллиардной Метрополии, где показушная ролевая борьба эльфов и гоблинов, гномов и драконов имеет вековые корни)?

Увы, на российской почве все меняется до такой степени, что и не узнать, откуда эти самые корни растут. «Колониальный роман» (Фаррер, например) и ранний фэнтези (тот же Киплинг) довольно-таки далеки от Александра Грина, хотя историки литературы скажут, что корни – общие, «формы романтизма в модерне». Дело в иерархии ценностей и нормах следования им, оказывается... Так вот, что бы сама о себе ни думала Флоссия Нарен (и ее создательница тем паче), она не аристократка, не купчиха и не мещанка.

Как это играла подобную «сверхобобщающую» роль В.П. Марецкая в фильме «Член правительства»? «Мужем битая, врагами стреляная»... Таким образом, родные осины из орков лепят «гопоту», из гномов творят работяг, а из эльфов – интеллигенцию, для которой и написан «Случай из практики».

Список литературы:

1. *Измайлова К.* Случай из практики. – М.: Эксмо, 2012. – 736 с.
2. *Измайлова К.* Случай из практики. Возвращение. – М.: Эксмо, 2012. – 736 с.

Сведения об использованных иллюстрациях:

Иллюстрация содержания: Кира Измайлова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://fantlab.ru/images/autors/5709> (дата обращения: 16.03.2013).

Ил. 1. Обложка книги К. Измайловой «Городская магия» (2008).

Ил. 2. Акварель К. Измайловой, авторская иллюстрация к роману «Пятый постулат» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://breader.ru/cover/182630.jpg> (дата обращения: 16.03.2013).

Ил. 3. Авторская иллюстрация К. Измайловой к роману «Случай из практики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://samlib.ru/img/i/izmajlowa_k_a/01g11/part1.jpg (дата обращения: 16.03.2013).

Ил. 4. Обложка романа «Случай из практики. Возвращение» (вторая часть дилогии).

Ил. 5. Танец на балу. Авторская иллюстрация к первой части дилогии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://samlib.ru/img/i/izmajlowa_k_a/g126/bal.jpg (дата обращения: 16.03.2013).

Источник: *Культура в современном мире. — 2013. — № 2. — [Электронный ресурс].* — Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>